

УДК 82-4 (17.82.40)

С. К. Пестерев

Томск, Россия

**СЮЖЕТ ПОЛИТИЧЕСКОГО УБИЙСТВА
И СИСТЕМА ПЕРСОНАЖЕЙ
В ОЧЕРКАХ МАРКА АЛДАНОВА 1920–1940-х ГОДОВ**

Анализируется система персонажей в очерках М. Алданова, объединённых сюжетом политического убийства. Способы создания и семантика персонажей рассматриваются в аспекте реализации авторской философии истории.

Ключевые слова: М. Алданов, очерк, политическое убийство, персонаж.

Проза Марка Алданова при всём её жанровом разнообразии базируется на фундаменте его историософских представлений. И романы, и малая проза выступают в роли художественных трансляторов авторских взглядов, наиболее полно представленных в философском диалоге «Ульмская ночь»: роль случая в истории, выборная аксиоматика, право истории на тайну, ирония истории. Малые прозаические формы – очерки, рассказы, портреты – сохраняют идейные построения автора и содержат ряд сходных сюжетов и хронотопов, становясь теми «зернами», из которых в дальнейшем вырастают алдановские романские коллизии.

В некоторых очерках ситуация политического убийства фиксируется уже заглавиями: «Убийство Урицкого» (1923), «Убийство графа Мирбаха» (1936), «Взрыв в Леонтьевском переулке» (1936), «Убийство Троцкого» (1942). Основным предметом внимания Алданова является политическая сфера, в которой убийство – одна из наиболее древних и радикальных форм выражения борьбы политических сил. В «смутные» исторические эпохи интенсивность убийств достигает апогея, и именно эти эпохи интересуют Алданова в первую очередь. Таким образом, можно говорить о принципиальной значимости этой темы и распространённости её в семиосфере алдановских текстов.

Данные очерки можно отнести к своеобразной «тетралогии» о событиях и фигурах русской политической истории: очерки связаны межтекстовыми ссылками, что говорит о единой авторской стратегии исследования российской постреволюционной истории.

Пестерев Станислав Константинович – аспирант кафедры истории русской литературы XX в. Томского государственного университета (пр. Ленина, 36, Томск, 634050; angmar@sibmail.com; +7 913 846 81 71)

Сюжетология и сюжетология. 2013. № 2. С. 48–53
© С. К. Пестерев, 2013

Фабульные ситуации очерков восходят к исторической основе – выстрелу поэта Леонида Каннегисера в председателя петербургской ЧК Моисея Соломоновича Урицкого, взрыву во время большевистского совещания в особняке Леонтьевского переулка, убийству немецкого дипломата графа Мирбаха левыми эсерами (выстрел и взрыв бомбы), убийству ледорубом Льва Троцкого в Мексике. Автор корректен в вопросах исторической достоверности и точности, ссылаясь на разнообразные документы.

Из одной и той же ситуации убийства рождается разная сюжетная логика, и значимыми оказываются различные аспекты её поэтической реализации: природа документализма, система персонажей, формы присутствия авторского сознания в тексте, диалог с литературными текстами.

«Убийство Урицкого» является первым в серии очерков, посвященных знаковым фигурам общественно-политической истории России 1910-х – 1920-х гг. Основная задача очерка – показать трагедию и героизм личности, идущей на преступление. Уже во введении автор рассуждает о крайней неоднозначности политического убийства: он задаётся вопросом, является ли оно «гнусным» поступком или может считаться достойным. В первой фразе очерка упоминается газетная статья, посвященная убийству советского дипломата Вацлава Воровского белогвардейцем Морисом Конради: «Не подлежит никакому сомнению, что всякое политическое убийство есть гнусное преступление» [1, с. 486]. Коррекция этого утверждения происходит в процессе подключения обширного литературного контекста. В очерке появляются имена Платона, У. Шекспира, Вольтера, Г. Мирабо, А. Шенье, В. Гюго, А. С. Пушкина, А. И. Герцена, выступающие эстетическим контраргументом к газетной статье. Все эти авторы, высоко ценимые Алдановым, оформляли своего рода мифопоэтические картины тираноубийства, где за палачами и жертвами закреплялась устойчивая семантика. Очерк «Убийство Урицкого» наиболее плотно насыщен культурными аллюзиями, что во многом связано с личностью главного персонажа – поэта Леонида Каннегисера, судьба которого осмысливается как трагическая.

Автор был лично знаком со своим персонажем, и поэтому в связи с фигурой Каннегисера актуализируется сфера его частной жизни и семантика родительского дома. Алдановский герой следует парадигме судьбы подпольного героя, о котором сложился миф в литературе: «Герой молод, он не успел пожить, он отдал в жертву свою молодую жизнь, что делает его жертву несравнимо ценнее, чем жизнь, скажем, убитого им старика-министра или губернатора средних лет, успевшего пожить. Герой жертвует не только жизнью, но и правом любить, создавать семью, рожать детей» [2, с. 53–54]. Мотив дома, семьи связан с идеей жертвы, которую должен принести террорист за свои убеждения. Он отрывается от быта, материального мира, семейных связей.

Террор в данном случае носит индивидуальный характер. Причиной убийства выступает желание отомстить Урицкому за казнённого друга. Стремление к выгоде и личные цели у Каннегисера отсутствуют. Можно сделать вывод о трагическом модусе судьбы героя, которая предопределённо завершается арестом и расстрелом. Значимую роль в раскрытии сложной внутренней жизни персонажа играют его дневниковые записи, изобилующие культурными именами и диалогом героя с ними.

Отметим, что если Каннегисер «пропускается» сквозь призму частной жизни и возвышающих его литературных параллелей, оказывается в одном ряду с героями Гоголя и Достоевского, дорастая в таком окружении до трагической фигуры, то его жертва оказывается несоизмеримой с убийцей по личностному масштабу; происходит размывание этического измерения факта убийства.

«Убийство графа Мирбаха» посвящено убийству немецкого посла представителями партии левых эсеров и обнаруживает иную структуру по сравнению с первым очерком. Больше внимания уделяется анализу поведения всех сторон конфликта, в том числе и после осуществления теракта. Непосредственным следствием убийства историки называют восстание левых эсеров, о подавлении которого также можно прочитать в очерке. Убийство В. Мирбаха стало результатом заговора, спланированного и осуществленного за 36 часов. Убийцами руководила не личная ненависть, но решение партии и соображения авантюрно-карьеристского характера, поэтому вместо идеи внутреннего трагизма личности основной проблемой очерка становится алогичность и неопределённость российской и европейской исторической ситуации, внешней и внутренней политики большевиков.

Трактовка ситуации убийства вытекает из подобной авторской логики. Как преступников, так и жертв характеризует иррациональность поступков, отсюда рождаются устойчивые формулы: «он не сразу сообразил, что отвечает», «ещё одна загадка этого темного дела», «они не знали, куда бежать, да и не желали спастись бегством». В этом видится такой аспект философии Алданова, как право истории на тайну.

Центральным персонажем очерка выступает Яков Блюмкин, один из убийц. Автор не был лично знаком с ним, хотя определённое представление о личности Блюмкина у Алданова имелось, в частности, из-за связей знаменитого авантюриста с литературными кругами. Вслушавший многим литераторам трепет в силу своей близости к ЧК, в данном очерке Блюмкин снижается (главным образом за счёт убийственной иронии) до уровня ничем не примечательного, пустого человека. Так, процитировав рассказ Блюмкина об убийстве посла, автор пишет: «В этом рассказе чувствуется желание террориста подчеркнуть своё необыкновенное хладнокровие: он улучил “удобное мгновение” (хотя все мгновения за эти 25 минут были одинаково “удобны”); он “прошёл в зал” – не выбежал, а прошёл, – Мирбах направился за ним (и то, и другое довольно бессмысленно); он же, Блюмкин, и убил посла. В действительности, стреляя в соседей почти в упор, Блюмкин, по свидетельству немцев, не ранил пятью выстрелами никого» [1, с. 532].

В очерке предлагается своеобразный «минус-приём», когда обильная информация (которой Алданов не мог не знать) о связях Блюмкина с литературными деятелями максимально редуцируется. Игнорирование автором очерка фактов, способных сделать фигуру Блюмкина психологически многомерной, можно истолковать как авторскую стратегию, когда персонажу отказано в возможности добавить нечто к своей роли в истории, кроме как убийцы Мирбаха. Он остаётся пассивным объектом действия Случая, косвенно сам это признавая: «Если мы ушли из посольства, то в этом виноват непредвиденный иронический случай, – говорит Блюмкин» [1, с. 533]. Отметим, что Мирбах, жертва покушения, так же как и Урицкий, не «удостаивается» статуса полноценного персонажа, интересного как личность.

Очерк «Взрыв в Леонтьевском переулке» представляет собой третью часть, наряду с «Убийством Урицкого» и «Убийством графа Мирбаха», своего рода очерковой «трилогии» (а если иметь в виду «Убийство Троцкого», то – тетралогии) о событиях и фигурах русской политической истории.

Из шести частей очерка собственно сюжетной ситуации взрыва посвящены только первая и пятая. Она является лишь отправной точкой для постижения причин поведения, характеров участников этого трагического события. Сообщив всё, что было известно о взрыве, автор прибегает к публицистическому дискурсу, на-

прямую адресуясь читателям: «Должен сделать оговорку личного характера. Я пишу об этой трагедии со странным и тяжелым чувством. Ни один историк ещё не касался дела о взрыве в Леонтьевском переулке. Мне приходится работать исключительно над сырыми материалами, да и их очень немного: “Красная книга ВЧК”, показания свидетелей, статьи большевистских газет. Я не знал ни одного из участвовавших в деле людей. В предшествовавших очерках моих по истории октябрьской революции я говорил о том, что видел своими глазами или, по крайней мере, переживал на месте. Но в сентябре 1919 года я был уже в эмиграции. Возможны важные ошибки если не в фактах, то в догадках или оценках. Понять это мрачное дело очень нелегко» [1, с. 544]. В этом признании можно обнаружить множество важных фактов для понимания очеркового творчества Алданова в целом и отличия данного текста от предшествующих. Наиболее важным в постижении феномена Октябрьской революции для автора является личная связь с теми событиями, о которых он пишет. Несмотря на то, что ни одного из людей автор не знал, в очерке большое внимание уделяется судьбе левых эсеров – партии, за чьей судьбой Алданов давно и внимательно следил и к которой сам был близок. В своём пристрастии к использованию документов автор щепетильно относится к проблеме выбора источника и оценки его достоверности.

Данный очерк – единственный, в котором террор носит не индивидуальный, но массовый характер. Мишенью заговорщиков-анархистов выступает всё «многолюдное большевистское совещание». Выявляя основной мотив террористов, автор подчеркивает: «Ни общей идеи, ни общей цели у участников дела не было; их объединяла только общая ненависть» [1, с. 544].

Отметим промежуточное положение этого очерка в системе уже рассмотренных. Здесь нет ни героизации убийц, как в «Убийстве Урицкого», ни демифологизации, как в случае с Блюмкиным в «Убийстве графа Мирбаха». Выделяются три персонажа – принадлежавший к левым эсерам Донат Черепанов, а также Петр Соболев и Казимир Ковалевич. Они представляют для автора интерес и загадку; он не был знаком с ними, поэтому не берётся судить о них наверняка, оставаясь на уровне предположений. Наиболее часто встречающиеся речевые обороты – «я почти ничего не знаю», «могу лишь сказать», «тёмный», «самый таинственный из всех».

Мысль автора движется от факта убийства – через ничем не примечательных убийц – к персонажу, имеющему, на первый взгляд, опосредованное отношение к данному теракту, но интересующего автора в наибольшей степени – Нестору Махно. Исследование автором разнообразных документов, общение с очевидцами и чтение большевистской прессы приводит его к мысли о ключевой, «вдохновляющей» роли Махно в московском взрыве. Место Махно в системе персонажей особое, неслучайно ему посвящена треть очерка, в интерпретации автора он оказывается противоречивой и психологически многомерной фигурой. В нём переплетаются претензии на захват власти, комплекс вождя, человеческие слабости. Однако автор не только избегает опасности героизации Махно, но и полемизирует с Б. Пильняком, автором рассказа «Ледоход», где оформляется миф о великом и грозном анархисте.

Для автора взаимоотношения Махно с другими политическими силами, в первую очередь с большевиками, открываются как столкновение амбиций, претензий на власть. Большевики хотели видеть в нём инструмент, необходимый для борьбы с внутренними врагами. Эта роль его не интересовала, так как он преследовал собственные интересы: «Отношение Махно к обеим сторонам было приблизительно одинаковое: он желал бы повесить и Каменева и Григорьева» [1, с. 557]. Большевики катализировали его ненависть к ним и жажду мести. Взрыв в Леонть-

евском переулке оказался финальным звеном в цепи взаимодействия Махно с большевиками и террористами.

В конце очерка оформляется толстовская идея трагических итогов столкновения политических претензий отдельных исторических деятелей. Неслучайна отсылка к «Войне и миру» Льва Толстого: «Массовые расстрелы происходили в ВЧК <...>, в историческом доме графа Ростопчина, где происходит в “Войне и мире” знаменитая сцена убийства Верещагина» [1, с. 572]. Соотнося расстрелы белогвардейцев и кадетов большевиками с жестокой расправой над Верещагиным, спровоцированной Ростопчиным, автор находит для казни множества невинных людей аналог из высокой классической литературы, когда власти приносят случайных людей в жертву своим амбициям. В этом эпизоде прослеживается резкое отторжение автором насилия (в эпизоде у Толстого убийство изображается как варварский акт), и эта однозначная оценка закрепляет нравственный итог очеркового сюжета.

Очерк «Убийство Троцкого» отстоит по времени от остальных текстов, но сохраняет общие с ними способы реконструкции исторического события и судеб его участников.

Очерк представляет собой реакцию на смерть известной личности и, несмотря на сложные взаимоотношения между Л. Троцким и М. Алдановым, сглаживает многие острые углы в личности жертвы, авторская позиция лишена большей части той критики, которая ранее звучала в адрес Троцкого.

В ходе авторской рефлексии над оценкой личности убитого возникают разные оценки, а также приводятся весьма амбивалентные отзывы о нём от трёх совершенно разных людей – А. Гитлера, У. Черчилля и В. Розанова. Гитлер признавался, что, прочитав «Воспоминания» Троцкого, многому у него научился. Этим первым фрагментом автор сразу указывает на место Троцкого в истории – рядом с величайшими злодеями. Эту идею выражает и Черчилль, называющий Троцкого «злодеем титанического размера», «соединявшим организаторский дар Карно, холодный ум Макиавелли, жестокость Джека-потрошителя» [3, с. 243]. В. Розанов необходим автору как независимый и беспристрастный источник, далекий от политики. В его статье о процессе Совета народных депутатов подчёркивается ораторский талант Троцкого.

Структурно очерк сходен со «Взрывом в Леонтьевском переулке» (шесть частей, авторское отступление в конце первой части). В семантике персонажей можно усмотреть оформление идеи незначительности роли убийцы по сравнению с главным «убийцей» – И. Сталиным, стоящим за преступлением. Автор относит историю данного убийства к числу архетипических, помещая её в литературный контекст шекспировского Юлия Цезаря.

Ситуация убийства интересует автора в большей степени по сравнению с предыдущими очерками, что можно объяснить более короткой временной дистанцией, отделяющей время создания текста и момент преступления, а также авантюристичностью и алогичностью поведения убийцы – Ф. Джексона. Изображение убийства максимально детализовано, при этом история сохраняет право на тайну – о произошедшем в кабинете Троцкого автор вынужден строить только гипотезы.

Жертва и убийца становятся равновеликими объектами авторского бесстрастного анализа. Обозначим такие психологические коллизии очерка, как загадка доверия Троцкого к своему будущему убийце, причины поведения Джексона, роль случая в истории нескольких покушений. Жертва и убийца в итоге оказываются заложниками репрессивной государственной машины, которая уничтожает оппонентов. Но государственная машина не безлика, а репрезентирована фигурой Сталина. Взаимоотношения Сталина с Троцким занимают всю шестую часть очерка, сопрягая проблематику столкновения непримиримых идей и их носите-

лей: «Что если Троцкий сам напугал Сталина? Что если в Москве поверили – и сделали свои выводы: не лучше ли раз навсегда от него освободиться? Всё остальное было делом техники и техников» [3, с. 267]. Выявляя причины убийства, Алданов приходит к идее доминанты страха как ключевого импульса в подготовке и осуществлении убийства.

Таким образом, можно говорить о вариативности изображения и интерпретации ситуации политического убийства в очерках Алданова: это может быть личная трагедия убийцы в рамках выборной аксиоматики в «Убийстве Урицкого»; отправная точка для исторического исследования («Взрыв в Леонтьевском переулке»); иллюстрация роли случая в атмосфере хаоса первых послереволюционных лет («Убийство Мирбаха»); анализ причин устранения крупной политической фигурой своего политического соперника («Убийство Троцкого»).

Список литературы

1. Алданов М. А. Собр. соч.: В 6 т. М.: Правда, 1991. Т. 6. 575 с.
2. Могильнер М. Мифология подпольного человека. М.: Новое литературное обозрение, 1999. 207 с.
3. Алданов М. Убийство Троцкого // Картины октябрьской революции. Исторические портреты. Портреты современников. Загадка Толстого. СПб., 1999. С. 243–267.

S. K. Pesterev

Tomsk, Russia

THE PLOT OF ASSASSINATION AND THE SYSTEM OF CHARACTERS IN M. ALDANOV'S ESSAYS OF 1920–1940s

The essays by M. Aldanov on the topic of assassination are the material for analysis of character system. The ways of character creation and their semantics are reviewed as the aspect of the author's philosophy of history.

Keywords: M. Aldanov, essay, assassination, character.

Pesterev Stanislav K. – post-graduate student of the Russian 20th Century Literature Department in Tomsk State University (36 Lenina Str., Tomsk, 634050; angmar@sibmail.com; +7 913 846 81 71)